

СОЦІАЛЬНО-ПОЛІТИЧНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ XX СТОЛІТТЯ У КРАЇНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-СХІДНОЇ ЄВРОПИ

УДК 355.08–054.57(=161.1)(438)«1920/1924» : 329.1/6

ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ РУССКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПОЛЬШЕ (1920–1922 гг.)

А. И. Ёлкин

Йолкін, А. І. Збройні формування і політична орієнтація російських військовослужбовців у Польщі (1920–1922 рр.)

У статті розглянуто процес формування російських військових з'єднань на території Польщі та участь цих загонів у боротьбі проти більшовиків на боці поляків. Показана їхня політична орієнтація; проаналізовані чинники, які впливали на її зміни.

Ключові слова: Польща, монархіст, республіканець, «третя Росія».

Ёлкин, А. И. Вооруженные формирования и политическая ориентация русских военнослужащих в Польше (1920–1922 гг.)

В статье рассмотрен процесс формирования русских воинских соединений на территории Польши и участие этих отрядов в борьбе против большевиков на стороне поляков. Показана их политическая ориентация; проанализированы факторы, влиявшие на ее изменение.

Ключевые слова: Польша, монархист, республиканец, «третья Россия».

Elkin, A. I. Armed groups and political orientation of Russian troops in Poland (1920–1922)

The article describes the process of formation of Russian military units on the territory of Poland and the participation of these groups in the fight of the Poles against the Bolsheviks. It shows their political orientation and analyzes the factors influencing the change in it.

Keywords: Poland, monarchist, republican, “third Russia”.

Польское государство было образовано в ноябре 1918 г. Высшая военная и гражданская власть в нем оказалась передана Ю. Пилсудскому, которого объявили начальником государства. Первостепенное значение теперь для него приобретал вопрос о границах новой Польши. Поскольку западная граница государства определялась Версальским договором, подписанным 28 июня 1919 г. в Париже, то Пилсудский обратился к проблеме восточной границы страны. Его внешнеполитическая концепция, получившая название федералистской, впервые излагалась в меморандуме, направленном министру иностранных дел Японии 13 июля 1904 г. Она предусматривала предоставление независимости входившим в состав Российской империи народам¹. Теперь же, в новых условиях, Пилсудский и его сторонники попытались на практике реализовать его концепцию федерализации.

Учитывая, что в результате социальных потрясений и Гражданской войны Россия оказалась ослабленной, а в бывших окраинах наблюдался подъем национального движения, начальником государства ставилась задача отделить от нее Белоруссию, Литву и Украину, превратив их в союзные буферные государства. Осуществление этого плана, по мнению Р. Пайпса, призвано было обеспечить доминирование Польши в Центральной и Восточной Европе, силой вытеснив Россию далеко в Азию². Поскольку основным инструментом польской внешней политики на востоке стали вооруженные конфликты с соседями, то претворить эти планы в жизнь оказалось не просто. Однако начальник II Речи Посполитой хорошо понимал, что для успешных военных действий на землях, где господство поляков уже не одно столетие отождествлялось с помещиками и католической церковью, следовало иметь союзников из числа русских, белорусов и украинцев³.

Различные аспекты восточной политики Варшавы, формирование антибольшевистских воинских частей, их участие в военных действиях как союзников Польши, а затем интернирование и пребывание в лагерях на территории страны, привлекали внимание исследователей⁴. Однако изучение особенностей процесса формирования русских частей на

польской территории, анализ факторов, влиявших на его результат, а также определение политической ориентации военнотружущих данных соединений, требует более детального изучения. Для решения поставленной задачи автор статьи привлек документальные публикации, эмигрантскую прессу и новые архивные материалы.

В своей борьбе с большевиками Ю. Пилсудский пытался привлечь на свою сторону их противников из рядов российских эмигрантов – прежде всего тех, кто поддерживал его федералистскую концепцию. К ним в первую очередь относился бывший эсер Б. В. Савинков. Во Франции он занимался вопросами обеспечения армии А. В. Колчака: оружием, боеприпасами, обмундированием и продовольствием. Причем, поляки начинают поиск союзников среди русских сразу после разгрома А. И. Деникина, сторонника «единой и неделимой России». Ибо теперь главным противником польской независимости считалась Советская Россия. Первые контакты между Б. В. Савинковым и представителем Ю. Пилсудского К. М. Вензегольским состоялись в январе 1920 г. в Париже. Эмиссар начальника государства передал приглашение Ю. Пилсудского встретиться с ним в Польше. Вскоре Б. Савинков вместе с Н. В. Чайковским, членом Русской заграничной делегации, приехал в Варшаву⁵. Здесь они, как «представители русской демократии», сделали заявление о безоговорочном признании независимости Польши и Финляндии.

На состоявшейся вскоре встрече Ю. Пилсудского и Б. В. Савинкова маршал предложил собеседнику сформировать с помощью поляков русский отряд на польской территории. Все расходы, связанные с формированием воинских частей, зачислялись в долг будущего Русского государства Польше⁶. Возникший в июне 1920 г. в Варшаве Русский политический комитет (РПК) во главе с Б. В. Савинковым приступил к формированию воинских частей, находившихся в лагере Скалмержицы возле Калиша. Предполагалось, что численность этих формирований должна составить 5 тыс. человек⁷.

Вербовка добровольцев развернулась не только в Польше, но и за ее пределами. Это касалось, прежде всего, переброски остатков бывшей Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича из Эстонии в Польшу⁸. Об условиях, в которых проходила эта работа, красноречиво свидетельствует отчет помощника Б. В. Савинкова А. А. Дикгоф-Дерентала. В частности, 80% его деятельности на территории Эстонии протекала нелегально, потому что в феврале 1920 г. Советская Россия и Эстония заключили мирный договор. Помогавшие А. А. Дикгоф-Деренталу в Ревеле (Таллине) люди действовали тайно. Поэтому отправка воинского эшелона производилась под видом польских беженцев, хотя поляки в этом участия фактически не принимали⁹. Кроме того, с территории Литвы, в соответствии с соглашением, заключенным между Б. Савинковым и генералом А. В. Паленом 18 июня 1920 г., в Калиш перевезли часть его войск (около 2500 чел.), преимущественно выходцев из Витебской и Псковской губерний¹⁰.

В начале марта 1920 г. границу Польши перешла и оказалась здесь интернированной Русская добровольческая армия генерала Н. Э. Бредова, сражавшаяся под командованием Деникина. Солдат и офицеров – примерно 15,5–16 тыс. человек – разместили в лагерях Домбие, Стшалково, Пикулицы и Александров Куявский¹¹. Генерал Н. Э. Бредов пытался помешать вербовке в савинковские части, но после вмешательства польских властей и представителя П. Н. Врангеля в Польше генерала П. С. Махрова его подчиненным предоставили свободу выбора.

Общее количество «бредовцев», вступивших в русские и украинские части, составило около 2 тысяч человек. Однако ситуация, касавшаяся скалмержицких формирований (Калиш), осложнилась. Главной причиной оказалось поведение высшего командного состава – сначала в лице генерала П. В. Глазенапа, а потом заменившего его генерала Л. А. Бобошко. Оба были недовольны демократическим направлением деятельности РПК, оба признавали исключительно П. Н. Врангеля, т.е., в сущности, не признавали никого, ибо барон П. Н. Врангель находился в Крыму. Генералы видели комитет только как источник финансирования скалмержицкого отряда, не считая нужным уважать обычаи и нравы той страны, которая оказала им гостеприимство.

В связи с тем, что на советско-польском фронте летом 1920 г. сложилась критическая ситуация, правительство в Варшаве требовало отправки в зону боевых действий русские части. Командование же последних, ссылаясь на недостаток вооружения и обмундирования, отказывалось это сделать. На изменение ситуации повлияло улучшение отношений между Врангелем и Пилсудским, что нашло отражение в прибытии в польскую столицу

представителя Врангеля генерала П. С. Махрова¹². По его приказу командиром русского отряда назначили генерала Б. С. Пермикина.

Исходя из того, что только во время битвы за Варшаву летом 1920 г. поляки взяли в плен около 50 тысяч красноармейцев, Б. Савинков направил 27 августа письмо в Военное министерство, предлагая довести численность русских формирований до 24 тысяч человек¹³. В начале сентября 1920 г. военный министр генерал К. Сосновский приказал максимально быстро оснастить русский отряд и сразу же отправить его на фронт¹⁴. Генерал Врангель переименовал отряд Б. Пермикина в 3-ю Русскую армию¹⁵. К моменту заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. в ее рядах насчитывалось 6048 солдат и офицеров¹⁶.

Одновременно с формированием 3-й Русской армии проходил процесс создания частей генерала С. Б. Булак-Балаховича, ранее сражавшихся в рядах Северо-Западной армии Юденича. Потерпевшие поражение формирования оказались на территории Эстонии, но после заключения последней мирного договора с Советской Россией вынуждены были покинуть ее пределы. В марте 1920 г. на территорию Польши перешло 1000 солдат и офицеров¹⁷. Их переформирование предполагалось осуществить в Брест-Литовске, но в связи с приближением фронта части перевели в Люблин. В конце сентября 1920 г. отряд Булак-Балаховича насчитывал 4600 штыков и 1150 сабель. Его национальный состав (в основном выходцев из Новгородской, Петроградской и Псковской губерний) выглядел так: русских – 41%, украинцев – 23%, белорусов – 21%, других национальностей – 15%¹⁸.

По инициативе поляков 21 августа 1920 г. между Б. В. Савинковым и С. Б. Булак-Балаховичем было заключено соглашение о том, что формирования последнего в политическом плане будут подчиняться РПК, поскольку здесь основную массу солдат и офицеров составляют русские. В сентябре 1920 г. это соединение получило наименование Русской Народно-Демократической Армии (РНДА). В начале октября 1920 г. генерал заявил, что в его формировании прекрасно уживаются русский национальный и польский с белым орлом флаги¹⁹.

Кроме 3-й армии и частей Булак-Балаховича, поляки решили привлечь на свою сторону русских казаков. На это решение оказала влияние ситуация, складывавшаяся на Восточном фронте в конце мая – начале июня 1920 г. Здесь польские войска вступили в контакт с Первой конной армией С. М. Буденного, где имелись целые части с прежними командирами, состоящими из донских, кубанских, уральских, тверских и оренбургских казаков, служивших до этого у А. И. Деникина. Во-вторых, поляки решили привлечь казаков на свою сторону, учитывая их борьбу против советской власти на Дону и Кубани. Первые казачьи части перешли на их сторону в конце мая 1920 г. под Уманью и Белой Церковью²⁰. Всего же в конце сентября 1920 г. на территории Польши оказалось 6–7 тысяч казаков²¹. (Т. М. Симонова приводит цифру в 8 тыс. человек²²). В войне же 1919–1920 гг. на стороне II Речи Посполитой сражались бригады есаулов А. И. Сальникова и М. И. Яковлева, а также полк кубанских казаков в составе армии Украинской Народной Республики (УНР) и полк донских казаков полковника Духопельникова у С. Б. Булак-Балаховича²³.

Деятельность по свержению Советской власти Б. В. Савинкова и его соратников, которые рассчитывали осуществить свои замыслы с помощью поляков, вызвала резкую критику в эмигрантских кругах. Показательна в этом отношении статья эсера Н. Авксентьева «Patriotica». Автор опровергает тезис о том, что не с Россией воюет Польша, а с большевиками. «Больше того, – с сарказмом пишет Н. Авксентьев, – находились такие, которые считали возможным сочувствовать тому, чтобы русские отряды шли вместе с польскими войсками бить Россию. В этот момент считали за честь быть принятым Пилсудским, уверять его в дружбе, унижаться перед ним и читать «неизреченное» на его челе и его очах»²⁴.

После подписания советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. возникли разногласия между кабинетом В. Витоса и военными во главе с Ю. Пилсудским. Если члены правительства выступали за неукоснительное его соблюдение и против поддержки антисоветских группировок, то военные ратовали за продолжение вооруженной борьбы. Ю. Пилсудский предложил русским частям выбор: либо эвакуация с оружием в руках из страны к генералу Врангелю в Крым, либо действовать на свой страх и риск²⁵. Русские и украинские формирования, численность которых составляла 40–50 тыс. чел., приняли решение продолжить борьбу. Б. Савинков и С. Петлюра заключили соглашение о взаимодействии. Оно предусматривало признание первым государственной независимости УНР

с действующим правительством во главе с С. Петлюрой²⁶. С. Б. Булак-Балахович, однако, решил действовать самостоятельно, считая, что 3-я Русская армия недостаточно боеспособна, ибо ее части находились на стадии формирования. Поход на восток начался в октябре 1920 г. Войска 3-й Русской армии и С. Петлюры наступали в Украине по направлению к Черкассам, а С. Б. Булак-Балахович в Белоруссии – на Лунинец, Мозырь, Гомель. Военные действия 3-й армии были непродолжительными. Потеряв в боях 25% состава, вместе с украинскими войсками она вернулась на территорию Польши²⁷.

Что касается добровольческой армии Булак-Балаховича, то ей удалось взять г. Мозырь, продвинуться до Днепра, но затем под давлением противника в начале декабря 1920 г. армия вернулась на территорию Польской республики. Во время этого похода Булак-Балахович объявил себя борцом за независимую Белоруссию. Все части – порядка 17–20 тыс. человек – оказались интернированы²⁸.

Всего на финансирование двух армий польские власти израсходовали с 1 июля по 20 декабря 1920 г. 150 681 312 марок, 467 700 царских и 750 000 думских рублей²⁹. Бывших своих союзников поляки разместили в лагерях на территории западной и центральной части страны. Их насчитывалось около 20. Однако в связи с недавней советско-польской войной инфраструктура на указанной территории оказались сильно разрушенной, а кроме того в лагерях находилось около 130 тыс. пленных красноармейцев³⁰. Впрочем, современные российские исследователи приводят иные данные: И. В. Михутина считает, что в плен попало 165 550 красноармейцев³¹, Т. М. Симонова называет цифру 146 813³², а Г. Ф. Матвеев полагает, что речь идет, по меньшей мере, о 206 877 военнослужащих³³. В любом случае лагеря оказались плохо подготовленными к приему новых контингентов. Это касалось, прежде всего, помещений, не приспособленных для жилья, доставки одежды и обуви, средств гигиены.

Б. В. Савинков неоднократно обращался с письмами к польским властям, в частности к Ю. Пилсудскому: «Положение в лагере Щипиорно, где в одном бараке помещается до 200 человек, тяжелое. В лагере уже началась эпидемия тифа, среди интернированных ощущается крайняя нужда в белье, обмундировании, мыле. Температура в бараках 1 градус. Пища варится и распределяется нерегулярно»³⁴. Аналогичные проблемы существовали и в других лагерях, которые с октября 1920 г. находились в подчинении Военного министерства, а с апреля 1921 г. перешли под контроль Министерства иностранных дел. По сути, этим решением интернированные воинские формирования переводились на положение беженцев.

Непосредственно же задача заботы об этих людях легла на РПК. Ему пришлось одновременно решать две основные задачи: добиться ежемесячных регулярных пособий, выдачи пайков и обеспечения обмундированием, а также сохранения в лагерях воинских формирований, способных продолжить борьбу с большевиками.

После нескольких месяцев интернирования все русские части слились в один отряд под командованием генерала Матвеева и в отдельную казачью группу во главе с полковником М. Н. Гнилорыбовым³⁵. Подчинялись они начальнику по делам интернированных РПК Д. М. Одинцу³⁶. В лагерях сторонники Б. Савинкова осуществляли чистку, удалив уголовные и морально неустойчивые элементы, а заодно весь старый командный состав, что спровоцировало резкие протесты среди монархистов³⁷. В частности, В. М. Горлов и генерал П. С. Махров считали, что такие действия Б. Савинкова, вызванные политическими соображениями, приведут к разложению войск. Ибо нежелающих подчиниться смещали и удаляли из мест расквартирования. Причем, их сначала поместили в концентрационный лагерь, но потом выпустили и разрешили выехать из Польши.

Пребывание в лагерях регулировалось инструкцией Военного министерства от 2 декабря 1920 г., согласно которой в интернированных войсках разрешалось сохранить прежнюю воинскую организацию: дивизии, бригады, полки, батареи; в них поддерживалась воинская дисциплина, воинский дух и порядок. В первом же приказе, отданном генералом Матвеевым, предписывалось всем частям сохранить свое тактическое деление. После завершения обмена военнопленными между Советской Россией и Польшей в октябре 1921 г. остатки двух армий численностью до 4500 чел. были переведены в лагерь Тухола. Кроме того, небольшие контингенты разместились в лагерях Стшалково, Калиш, Щепиорно.

Анализируя ситуацию, сложившуюся на родине к зиме 1920–1921 гг., Б. В. Савинков не мог не обратить внимание на то, что бывшая Российская империя покрыта тайными

обществами и «зелеными отрядами». Иными словами, в Советской России наблюдалось неорганизованное, необъединенное единой программой, но все нарастающее народное движение, независимое от политических партий дореволюционного периода и не состоящее ни в какой связи с эмиграцией. Поэтому в декабре 1920 г. РПК поставил перед собой следующие задачи: объединить «зеленых» крестьян программой и создать организационный центр «зеленой» борьбы. С этой целью была восстановлена деятельность Народного Союза Защиты Родины и Свободы (НСЗРиС), созданного в 1918 году в Ярославле³⁸.

При РПК учредили Информбюро, во главе которого встал Б. В. Савинков и его брат В. В. Савинков. Программа НСЗРиС была выработана Северо-западным областным комитетом «Народного Союза» в Гомельской и Смоленской губерниях и утверждена на съезде представителей тайных организаций и «зеленых» в июне 1921 г.³⁹. Основные ее положения сводились к следующему:

«1. Непримируемая борьба с советской властью, враждебной народу и не дающей ему свободы выявить собственную волю к устройению жизни.

2. Борьба с большевиками силами русского народа, а не призывом к вооруженному вмешательству иностранцев.

3. Решительная борьба с царистами, мечтающими вернуть старые порядки, и с теми помещиками, которые хотят отобрать у крестьян землю.

4. Укрепление в собственности крестьян земли, перешедшей к ним во время революции, а также обращенной в советские хозяйства.

5. Установление демократического правового строя на началах народовластия.

6. Установление в России республики через Русское Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

7. Признание государственной самостоятельности за всеми народами, входившими ранее в состав Российской империи и создавшими или создающими собственную государственность и тесный государственный и хозяйственный союз»⁴⁰.

Таким образом, «третья Россия» должна была стать крестьянской демократической республикой, ибо огромное большинство страны составляли крестьяне.

Практически деятельность НСЗРиС свелась к печатанию и распространению листовок, созданию тайных организаций и ведению партизанской войны. Однако надеждам на массовое крестьянское восстание в Советской России не суждено было сбыться. Сам Б. В. Савинков сделал такие неутешительные выводы из борьбы за «третью» Россию: «И я уже в судорогах, собственно говоря, пошел в это зеленое движение, которое выродилось в бог знает что, а после зеленого движения – в подпольную работу, которая тоже результатов не дала»⁴¹.

После высылки из Польши в октябре 1921 г. Б. В. Савинкова и его сторонников среди интернированных активизировали свою работу монархисты. Причем, вопрос о материальном их обеспечении часто приобретал политическую окраску. Так, в конце ноября 1921 г. в лагерь Тухола прибыл генерал Новиков как представитель Красного Креста с тюками белья. Собрав состав 3-х дивизий, он призвал перейти их под покровительство Врангеля, а себя объявил его представителем в Польше. Такая агитация, подкрепленная раздачей белья, дала свои результаты: «дивизия смерти» и стрелковая дивизия заявили о своей поддержке Новикова⁴². В свою очередь, савинковский НСЗРиС, действовавший нелегально, пытаясь сохранить влияние, особенно среди казаков, добился перевода около 400 чел. в лагерь Щепиорно, где находились украинцы. В январе 1922 г. в лагере раздали по 100 марок наиболее нуждающимся членам союза⁴³.

Польские власти внимательно следили за активностью монархистов, считая, что реализация их целей (по восстановлению «единой и неделимой») угрожает польской государственности. В апреле 1922 г. они пресекли нелегальную деятельность Русского монархического объединения, во главе которого стоял В. Г. Гершельман. Соответствующие польские органы провели аресты и привлекли к суду 57 офицеров. Несмотря на то, что суд их оправдал, Гершельман, Любимов и Махров были высланы из страны⁴⁴.

Несомненный интерес, в связи с изложенными выше событиями, представляет анализ политических симпатий среди интернированных в наиболее крупном лагере Тухола. Согласно данным, приводимым З. Кар-пусом, здесь находилось три военных соединения. Он же попытался, проанализировав имеющиеся документы, определить процентное соотношение приверженцев той или иной политической ориентации в их рядах. Группа

С. Б. Булак-Балаховича, известная как «Дивизия смерти», насчитывала в мае 1922 г. около 1500 человек. Командиром являлся полковник Дуленко. Благодаря его деятельности, в дивизии усилилась монархическая, проврангелевская ориентация, объединявшая примерно 60% интернированных. Странников Б. Савинкова насчитывалось до 30%; остальные 10% стремились вернуться на родину⁴⁵. Финансовую помощь на политическую деятельность в лагере монархистов выделяли соответствующие организации, существовавшие в Польше, а также в Берлине и Гданьске. Вторую по численности группу в лагере составлял отряд Б. Перемикина (1238 чел. на май 1922 г.). Наибольшим политическим влиянием среди них пользовалась монархическая идеология – 85%; затем «немецкая» – 10% личного состава; связанных с Б. Савинковым – 3%, и только 2% желали вернуться в Советскую Россию. Третью по численности группу в лагере составляли казаки, входившие в «Вольную казачью дивизию», которая в мае 1922 г. насчитывала 853 человек. Командовал ею монархист есаул А. Сальников, но среди казаков преобладала савинковская ориентация⁴⁶.

Таким образом, в бывших русских формированиях, оказавшихся на территории Польши в 1920–1922 гг., велась борьба между монархистами и республиканцами за привлечение солдат и офицеров на свою сторону. При этом, на изменение настроений среди интернированных и их политическую ориентацию оказывали влияние финансовые и материальные факторы. В целом же можно констатировать, что несмотря на усилия Б. Савинкова, основная масса интернированных оставалась на монархических позициях. После закрытия польскими властями лагерей бывшие российские военнослужащие получили т.н. карты Азия, т.е. стали политическими эмигрантами. Им предоставили возможность выехать на новое место жительства в центральные и западные воеводства. Въезд на территорию «восточных крессов», за редким исключением, был запрещен.

¹ *Pilsudski, I.* Pisma Zbirowe. T. 2. Warszawa, 1937, s. 253.

² *Пайнс, Р.* Русская революция. Кн. 3: Россия под большевиками. М., 2005, с. 116.

³ *Матвеев, Г.* Пилсудский. М., 2008, с. 253.

⁴ *Karpus, Z.* Wchodni sojusnicy Polski w wojne 1920 roku. Torun, 1999; *Materski, W.* Na Wiedcie. II Rzeczpospolita wobec Sowietow. 1918-1943. Warszawa, 2005; *Симонова, Т. М.* Белые формирования в Польше (Отряд русских беженцев) в 1918–1921 гг. // Новая и новейшая история. – 2012. – № 4. – С. 39–57.

⁵ *Дюррант, Д.* По материалам архива Д. В. Философова // Лица. Биографический альманах. М.–СПб. – 1994. – № 5. – С. 451.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 5866, оп. 1, д. 171, л. 1.

⁷ *Karpus, Z.* Jency i internowani rosyjscy i ukrajscy w Polsce w latach 1918-1924. Torun, 1991, s. 81.

⁸ ГАРФ, ф. 5784, оп. 1, д. 36, л. 92.

⁹ ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 10, л. 15.

¹⁰ *Karpus, Z.* Jency i internowani rosyjscy..., s. 81.

¹¹ ГАРФ, ф. 1886, оп. 1, д. 8, л. 13; *Karpus, Z.* Jency i internowani rosyjscy..., s. 62.

¹² ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 171, л. 3.

¹³ *Karpus, Z.* Wschodni sojusnicy Polski w wojne 1920 roku. Torun, 1999, s. 126.

¹⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (ДМИСПО). Т. 3. М., 1965, с. 401–404.

¹⁵ *Karpus, Z.* Wschodni sojusnicy Polski..., s. 126.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 68.

¹⁸ *Karpus, Z.* Traktat Ryski a poisky sojusznicy zokres wojny poisky-bolszewickiej 1920 roku // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach. Torun, 1988, s. 232.

¹⁹ Свобода, 1920, 3 октября.

²⁰ *Артишевский, А.* Острог, Дубно, Броды. М.–Л., 1928, с. 13.

²¹ *Karpus, Z.* Wschodni sojusnicy Polski..., s. 146.

²² *Симонова, Т. М.* Белые формирования в Польше (Отряд русских беженцев), с. 48.

²³ *Karpus, Z.* Wschodni sojusnicy Polski..., s. 154.

²⁴ *Авксентьев, Н.* «Patriotica» / Литература русского Зарубежья. Т. 1. Кн. 1. М., 1990, с. 364–367.

²⁵ ДМИСПО. Т. 3. М., 1965, с. 448–449.

²⁶ ГАРФ, ф. 5784, оп. 1, д. 36, л. 113.

²⁷ ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 171, л. 4.

²⁸ Там же.

²⁹ Свобода, 1920, 23 декабря.

- ³⁰ Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сб. док. и материалов. М.–СПб., 2004, с. 8.
- ³¹ *Михутина, И. В.* Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919–1921 гг. // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С. 66.
- ³² *Симонова, Т.* После белых крестов. Русские военнопленные в польском плену // Родина. – 2001. – № 4. – С. 53.
- ³³ *Матвеев, Н. Ф.* О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны // Вопросы истории. – 2001. – № 9. – С. 120–126.
- ³⁴ ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 25, л. 2.
- ³⁵ ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 171, л. 6.
- ³⁶ ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 125, л. 2.
- ³⁷ ГАРФ, ф. 6851, оп. 1, д. 190, л. 1–2.
- ³⁸ ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 121, л. 6–7.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ За свободу, 1921, 23 февраля.
- ⁴¹ Дело Бориса Савинкова. М., б/г., с. 73.
- ⁴² ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 123, л. 1–2.
- ⁴³ ГАРФ, ф. 5872, оп. 1, д. 38, л. 5.
- ⁴⁴ ГАРФ, ф. 5784, оп. 1, д. 38, л. 66.
- ⁴⁵ *Karpus, Z.* Oboz internouanych № 7 w Tucholi // Mniejszosci narodowe w wojewodstwie Pomorskim wokresie miedzywoje nnym (1920-1939). Torun, 1991, s. 150-151.
- ⁴⁶ Там же.